

А.Н. ЕЛСУКОВ,

ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

СОЦИОЛОГИЯ В ТЕНИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДРАССУДКОВ

Рассматривается природа теоретических построений в социологии под углом зрения сочетания в них объективных и субъективных, истинных и предрассудочных элементов. Показывается, как конкретно проявляется сочетание этих гносеологических элементов в работах классиков западной теоретической мысли.

The nature of theoretic constructions in sociology is considered from the viewpoint of objective and subjective, true and prejudiced elements as combined in the first. The author shows how the combination of these gnosiological elements is manifested in the works of classics of Western theoretic thought.

Как известно, мир представляет собой противоречивое единство. Наиболее противоречивым явлением в мире является само сознание. Разум человека, устремляясь к истине, зачастую становится творцом различного рода ошибок, предрассудков и заблуждений. Сознание не только отражает мир, раскрывая объективные законы его существования, но и творит его, формируя ментальные картины этого мира, которые далеки от действительности, но в истинность которых люди почему-то верят. Как отмечал уже Платон, заблуждения «есть не что иное, как отклонение мысли, когда душа стремится к истине, но проносится мимо понимания»¹.

С момента зарождения философии мыслителей разных времен интересовал вопрос о том, в какой степени человек может объективно и точно познавать окружающую действительность, возможно ли вообще истинное познание мира. За многовековую историю развития человеческого духа нако-

пилось множество теорий и концепций, авторы которых стремились разгадать тайны человеческого сознания, природу его отражательных и конструктивных способностей, а также психологические основы веры в истинность существующих ментальных построений.

Диапазон этих концепций простирался от жесткого объективизма до весьма расплывчатых суждений иррационализма, субъективизма и агностицизма. Софистической мудрости индивидуализма всегда противостояли попытки доказать и обосновать возможность получения абсолютного знания. Истоки этого доказательства шли то от бога, то от абсолютных идей, то от законов природы и целого ряда других постулатов.

Стремясь преодолеть засилье софистической мудрости, отрицавшей возможность объективно-истинного познания, Платону пришлось сконструировать свой идеальный мир как некий склад абсолютных истин, наличие которых вселяло уверенность в возможность истинного познания. Декарту, склонявшемуся к тому, что все можно подвергнуть сомнению, даже факт собственного существования, пришлось сконструировать принцип «врожденных идей», определявших возможность истинного познания. Во всем своем величии предстала противоречивая природа познания перед гением Гегеля, которому пришлось расчленять дух на абсолютный, объективный и субъективный, чтобы затем согласовать эти части друг с другом и тем самым вновь обосновать возможность истинного познания. Для этого понадобилось рассматривать истину не как некий застывший результат познания, а как постоянный процесс приближения знания к изучаемому объекту, как движение человеческой мысли от абстрактного к конкретному с использованием приемов исторического и логического мышления. А Ф. Бэкону в свое время пришлось создать целую теорию «идолов», раскрывавшую причины, приводящие человеческий разум в тупики заблуждений.

Парадоксальным является то, что даже в этих весьма позитивных с точки зрения обоснования возможности истинного познания концепциях позитивное доказывалось с помощью предрассудочных допущений. Поэтому, несмотря на столь громкие имена адептов истинного познания, им противостояли авторы пессимистических концепций, которые стремились убедить и себя, и всех остальных в наличии непреодолимых препятствий, ограничивающих возможности человеческого познания. Убедить людей в том, что знание (в том числе и научное) не есть отражение мира, а, скорее всего, есть плод искусственного его конструирования. Тем самым позитивная идея конструирования как важного проявления сознательной деятельности человека (в чем сейчас никто не сомневается) теряла свой смысл, потому что отделялась и противопоставлялась отражению и тем самым превращалась в предрассудочный элемент методологии научного познания.

Исходя из этих соображений, можно понять, почему все предшествующие теории природного и социального бытия чаще всего воспринимались как предрассудки и заблуждения и подвергались достаточно суровой критике. При этом, чем сложнее оказывался объект познания, тем в большей степени проявляли себя негативные признаки познавательной деятельности. Наиболее сложным объектом познания является, безусловно, общество, законы его функционирования и развития. Что такое человек, общество, культура, цивилизация, процессы их функционирования и развития – эти и многие подобные вопросы постоянно интересовали мыслителей разных времен. И именно в этой области крупницы истинного знания постоянно обростали весьма впечатляющими нагромождениями предрассудочных суждений и концепций, которые всегда вызывали критику последующих поколений исследователей. Но удивительно то, что, подвергая критике предшествующие теоретические концепции, эти поколения исследователей не замечали, что становились авторами новых предрассудков и заблуждений. Если в естествознании ученый четко отделяет предположение (гипотезу) от

теории, надеясь в будущем подтвердить эту гипотезу или опровергнуть с помощью фактов, то в области общественных наук любое мнение тут же нарекается теорией, концепцией, учением или еще чем-либо в этом роде, что, однако, не соответствует истине и дает повод для постоянной критики всех предшествующих социальных теорий.

Именно с такой критики всей предшествующей философии начинается выстраивать свою концепцию Огюст Конт, признанный основоположник позитивизма и социологии. С точки зрения Конта, ни одна философская теория не смогла раскрыть подлинную природу общества, поэтому все они должны быть отброшены. Принципиальная новизна этого учения связывается им с достаточно тривиальным и широко используемым понятием «позитивизм», которое было возведено в ранг нового философского принципа. С позиции этого принципа пересматривается природа философского, научного и социального познания, природа политики и религии. Идеалом истинного (позитивного) познания, с точки зрения Конта, выступают образцы естественнонаучного познания, поэтому наука об обществе также должна следовать этим образцам. Для того чтобы подчеркнуть эту связь и родство всех позитивных наук, Конт включает социальную физику (так первоначально он попытался обозначать новую науку об обществе) в общий ряд научного знания. Более того, эта наука, с его точки зрения, представляет собой вершину всего теоретического знания. Вот такие идеи о необходимости создания позитивной науки об обществе и являются той положительной частью контовского учения, которое предопределило его место среди корифеев и основоположников социологии (в данном случае не следует забывать, что свои идеи о новой науке об обществе Конт сформулировал еще до того, как появились работы Спенсера и Маркса). А все то, что касается его учения о структуре общества и его функционировании (о статике и динамике), либо повторяет то, что уже было хорошо известно науке (нетрудно здесь обнаружить отголоски идей Аристотеля, Вико и Сен-Симона), либо конструирует свое мнение о пролетариате, государстве и религии, которое больше напоминает утопические идеи и домыслы, чем строгие научные построения. Таким образом, и в творчестве Конта органично переплетаются элементы как позитивных идей, так и предрассудочных построений.

Такое сочетание легко обнаруживается в социологических теориях последующих периодов. Биологизм, органицизм, структурализм, функционализм и многое другое – далеко не полный перечень вариантов такого совмещения. Особая роль здесь принадлежит парадигме психологизма, в которой объективное знание буквально тонет в море домыслов и квазинаучных предположений. Эта противоречивая сущность психологизма проявляется в том, что при изучении психических явлений наука сталкивается с такой ситуацией, когда большая часть изучаемых явлений как бы ускользает от непосредственного наблюдения, поэтому при построении психологических объяснений социальных явлений открывается перспектива для появления различного рода предрассудочных допущений. Но дело даже не в наличии таких допущений, а в том, что за ними скрывается едва уловимое стремление идеологического характера, в частности, желание авторов социологических теорий объяснить поведение широких народных масс как проявление чисто инстинктивной (импульсивной) деятельности, а разумные основы социальной деятельности всецело приписать (явно или неявно) так называемой элитарной части общества. Получается, что элита и народ оказываются на разных сторонах общественного развития: одни определяют порядок и прогресс, а другие – буйство слепых сил и разрушения. На одной стороне – разум, а на другой – всего лишь чувства, эмоции и инстинкты. Такое распределение психологических аргументов при объяснении специфики человеческой деятельности вряд ли можно назвать строго научным, хотя стиль науки широко используется для внешнего камуфляжа и придания по-

добным теориям облика научной респектабельности. Псевдонаучные построения маскируются под вполне научные рассуждения о необходимости объективного познания. Методологическая часть позитивизма становится той рекламной упаковкой, которая помогает продвинуть в общественное сознание разного рода домыслы и, может быть, остроумные, но далекие от истинного положения дел теоретические построения. Поэтому при изучении природы общества, законов его функционирования и развития разум часто уступает свое место фантазии.

Для примера можно сослаться на теорию подражания и толпы Тарда, теорию элиты и толпы Лебона, теорию инстинктивного действия Макдуголла, не говоря уже о психоаналитической концепции Фрейда, которую он сам и его последователи попытались перенести с объяснения поведения людей, страдающих психической патологией, на обычных людей (включая гениев) и даже на все человечество в целом.

О наличии предрассудочных элементов в структуре социологических теорий говорит еще и тот факт, что особенности социальных явлений иногда раскрываются некоторыми авторами на основе весьма сомнительных аналогий. Такими аналогиями могут выступать игры детей, поведение людей в психлечебницах, особенности мира заключенных в пенитенциарных учреждениях, театрално-драматургические ситуации или некий базарный уровень повседневной жизни, объект которого вообще ускользает от научного наблюдения, но зато о нем можно высказывать множество самых различных мнений.

Стремясь преодолеть засилье психологизма в социологических концепциях с его явными предрассудками, выстраивает свою теорию устройства общества и специфики его познания Э. Дюркгейм (в данном случае мы придерживаемся не столько хронологии, сколько отдаем предпочтение логическому подходу, поэтому временной порядок рассмотрения теорий здесь несколько нарушен). Исходным положением его теории является достаточно простое допущение – природа социального должна объясняться социальными же явлениями, а не географическими, биологическими, психологическими или даже экономическими факторами. Будучи приверженцем позитивистской методологии, Дюркгейм одновременно выступает и как классический выразитель просветительско-модернистской эпистемологии, демонстрируя свою веру во всемогущество человеческого разума, и как верный защитник сложившихся экономических отношений. Он верит в возможность объективного (истинного) познания социальной действительности, в возможность построения научной социологии, которая должна лечить это общество от социальных болезней, но не уничтожать его. Для этого, с его точки зрения, необходимо: во-первых, более строго обозначить объект социологии; во-вторых, определить приемы и методы социологического исследования; в-третьих, очистить социологию от уже накопившихся псевдонаучных построений, которые проистекают от неверного употребления понятий. Можно сказать, что в творчестве Дюркгейма позитивизм поднимается до уровня своего классического воплощения, но и здесь не обошлось без умозрительных допущений.

Первая задача решается Дюркгеймом за счет более глубокой логической проработки понятия социального факта. В его интерпретации этого понятия сливаются два важных смысла. Во-первых, уточняется понятие социального как некоего связующего элемента, объединяющего отдельных людей в целостные коллективные образования, в качестве которого выступает понятие солидарности. Во-вторых, факт понимается как нечто такое, что существует объективно, независимо от индивидуального сознания, и, более того, воздействует на него. «Верующий, – пишет Дюркгейм, – при рождении своем находит уже готовыми верования и обряды своей религии; если они существовали до него, то, значит, они существуют вне его. Система знаков,

которыми я пользуюсь для выражения своих мыслей, денежная система, употребляемая мною для уплаты долгов, орудия кредита... обычаи, соблюдаемые в моей профессии, и т. д. – все это функционирует независимо от того употребления, которое я из них делаю... Следовательно, эти способы мышления, деятельности и чувствования обладают тем замечательным свойством, что существуют вне индивидуальных сознаний... и наделены принудительной силой»².

Таким образом, социальный факт, с точки зрения Дюркгейма, представляет собой некое социальное явление, существующее как культурный феномен, принуждающий человека поступать в соответствии со своими правилами. В данном случае перед нами типично объективистское истолкование предмета социологического познания, получившее в методологии название социального реализма. Такое понятие факта вполне соответствует канонам естественнонаучного познания. Но вряд ли его безо всяких оговорок можно переносить на социальную действительность. Дело в том, что культурные феномены начинают работать только в том случае, если они становятся частью индивидуального сознания, проходят процесс интериоризации. В противном случае они так и остаются чем-то вроде незадействованного коллективного опыта, никак не проявляя своей «принудительной силы». Иначе говоря, общее правило может работать только тогда, когда оно становится достоянием индивидуальной психики человека, его сознания. Без этого все, что существует в культуре, будет мертвой информацией, как, например, мертвые языки. Книга в библиотеке также представляет собой пример мертвой информации. Эта информация оживает лишь тогда, когда соединяется с сознанием человека. Да, общество можно представить состоящим из какой-то части людей, еще не постигших основ социального бытия, – это дети. Но взрослые люди как раз и являются живым воплощением всех социальных норм и правил поведения. Сказать, что религия существует отдельно от людей (предположим, как Священное писание), означает некое искусственное определение культуры, а вместе с ней и природы социального. Поэтому не все, что существует в культуре, обязательно имеет принудительную силу, хотя и существует как социально-исторический факт. Тем самым перед нами типичный пример сочетания объективного и надуманного, стремления обосновать с помощью естественнонаучных аналогий положительный (объективный) смысл социальных фактов и в то же время проповедь их независимости от индивидуального сознания, что явно искажает природу социального и дает повод для достаточно резкой критики дюркгеймовского учения, так как общественное и индивидуальное полностью отделяются друг от друга.

С тем чтобы убедиться в подобном сочетании разных элементов ментального характера, обратимся к самому Дюркгейму. Социальные факты, по его мнению, «составляют способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются. Поэтому их нельзя смешивать ни с органическими явлениями, так как они состоят из представлений и действий, ни с явлениями психическими, существующими лишь в индивидуальном сознании и через его пространство. Они составляют, следовательно, новый вид, и им-то и должно быть присвоено название *социальных*... не имея своим субстратом индивида, они не могут иметь другого субстрата, кроме общества»³.

Итак, получается довольно странная картина. Есть мышление, чувствование и деятельность, но они не присущи индивиду. Если согласиться с этой мыслью, то можно допустить, что они не присущи мне, моим близким и даже самому Дюркгейму. Но тогда возникает вопрос, кому же в обществе они принадлежат, если никому из индивидов не принадлежат, получается явный абсурд. Но этот абсурд весьма пафосно объявляется как последнее

слово науки, что следует из заключительной части приведенной цитаты. Стремление преодолеть абсурдность этого утверждения (которое строилось с весьма благородной целью – доказать объективный смысл социологического исследования) и послужило поводом для продуцирования множества теорий микроструктурного и номиналистического характера, приверженцы которых довольно остро критиковали дюркгеймовскую позицию.

Второй аспект анализа специфики социологического познания связывался Дюркгеймом с необходимостью раскрытия природы социологического объяснения. В этом вопросе Дюркгейм формулирует тезис о том, что социальные факты должны объясняться социальными же фактами, а само объяснение строиться по аналогии с естественнонаучным объяснением. Отталкиваясь от идеалов такого объяснения, Дюркгейм считает, что и социологическое объяснение имеет в основном причинный характер. По этому поводу он пишет: «Так как закон причинности признан для других областей природного царства и признание его господства постепенно расширялось, распространялось от мира явлений физико-химических на явления биологические, от последних – на мир явлений психических, то мы вправе допустить, что он также верен и для мира социального»⁴.

Казалось бы, вполне позитивный тезис, но он дополняется следующим методологическим положением: «Социальный факт можно объяснить только другим социальным фактом»⁵. Скорее всего, имеется в виду родственным социальным фактом, но в таком случае можно прийти к несколько абсурдным утверждениям о том, что, например, религию можно объяснить, исходя из религии же; мораль – исходя из самой морали; обычаи – из обычаев и т. д. Получается какой-то замкнутый круг, состоящий из одних тавтологий. Кроме того, из теории вообще выпадает роль человека, все задается общественными структурами, которые как-то сами по себе возникают, развиваются и принудительно воздействуют на человека. Социальное в данном случае оказалось отделенным от индивидуально-человеческого. Таким образом, социальное, стерилизованное от индивидуального и от других социальных явлений, утрачивает свой научный смысл, приобретая форму теоретического предрассудка. В этом плане нельзя не согласиться с Г. Осиповым, который пишет: «Не какие-то мистические социальные силы и социальные демиурги, выступающие в виде безличностных систем, а сами люди творят свою историю, опираясь при этом на свое сознание и волю, которые в равной степени могут выступать как в научной, так и в мифологической форме»⁶.

Третья задача, о которой говорит Дюркгейм, также имеет свой положительный смысл, обремененный некоторыми домыслами. Мыслитель пытается ответить на вопрос о том, что создает препятствия на пути истинного познания в социологии, что искажает его природу. С точки зрения Дюркгейма, причиной такого искажения служит то, что в ряде случаев социолог рассуждает не по поводу вещей (т. е. социальных фактов), а по поводу разного рода понятий, идей, философских принципов и т. д., поэтому социологию необходимо самым решительным образом отделить от философии. «Так как социология возникла из великих философских доктрин, – пишет он, – то она сохранила привычку опираться на какую-нибудь систему, с которой она, таким образом, оказывается связанной. Поэтому она была последовательно позитивистской, эволюционистской, спиритуалистской, тогда как она должна довольствоваться тем, чтобы быть просто социологией»⁷. В этой связи он вновь напоминает свой основной тезис: «Чтобы социология была действительно наукой о вещах, нужно, чтобы всеобщий характер явлений был принят за критерий их нормальности»⁸. Парадоксальность этих утверждений состоит в том, что, стремясь обосновать объективный характер социологического познания, Дюркгейм впадает в другую крайность, полностью отделяя социологию от философии, постулируя миф о некоей философской

нейтральности социологии, хотя и признает их генетическое родство. Не замечает он и того, что его собственные рассуждения также имеют философский смысл.

Философский акцент социологических исследований не удовлетворяет Дюркгейма потому, что он, по его мнению, уводит мысль исследователя от реальных вещей к анализу абстрактных понятий и тем самым лишает социологию признаков научности. По этому поводу он пишет: «Вместо того чтобы наблюдать вещи, описывать и сравнивать их, мы довольствуемся тем, что проясняем наши идеи, анализируем и комбинируем их. Науку о реальности мы подменяем анализом понятий... Эти понятия... походят на покрывало, находящееся между нами и вещами и скрывающее их от нас тем лучше, чем прозрачнее оно нам кажется»⁹.

Этот тезис впоследствии будет повторяться в творчестве Парето и станет основой ряда лингвистических концепций анализа научного знания и социологии знания. Здесь же мы укажем на его идеологическую подоплеку, так как в качестве «запутывающих» сознание социолога понятий Дюркгейм называет такие из них, которые имеют сугубо политический смысл. В частности, он пишет: «При нынешнем состоянии наших знаний мы не знаем достоверно, что такое государство, суверенитет, политическая свобода, демократия, социализм, коммунизм и т. д.»¹⁰. Как говорится, идеологическая составляющая здесь вполне очевидна и она становится еще более явной в следующем высказывании. С точки зрения Дюркгейма, необходимо, «чтобы социолог, и определяя предмет своих изысканий, и в ходе своих доказательств, категорически отказался от употребления таких понятий, которые образовались вне науки, для потребностей, не имеющих ничего общего с наукой. Нужно, чтобы он освободился от этих ложных очевидностей, которые тяготеют над умом толпы, чтобы он поколебал раз и навсегда иго эмпирических категорий, которое привычка часто делает тираническим»¹¹.

«Ложные очевидности» – это и есть тот набор понятий, которыми люди пользуются в своей повседневности. Именно этот набор определяет их отношение к миру, понимание этого мира и его ментальное освоение. Если отбросить эти понятия, то тогда вообще пропадает ощущение осмысленного отношения людей к миру. Да и сами «социальные факты» не могут существовать, не будучи выраженными в языке. Все они (религия, мораль, обычаи, традиции и т. д.) объективно существуют не только как действия, но и как элементы духовной культуры, которые немислимы без языкового оформления. Поэтому дюркгеймовский пафос объективности социального познания утрачивает свой смысл, ибо обращается при этом к самому же научному познанию. Получается, что ученый, отбросив популярные понятия, должен сам формировать свой язык, комбинировать на его основе «социальные факты», а затем эти же факты еще и анализировать. Все это иначе как теоретическим предрассудком никак не назовешь. Парадоксальным, однако, является то, что порой из подобных предрассудков рождаются новые направления научной и философской мысли. Так случилось и с отмеченной позицией Дюркгейма. Его идеи о языке научного познания совместно с идеями лингвистического творчества Соссюра послужили основой так называемого *лингвистического поворота* в методологии научного исследования, породив множество новых течений в философии и современной социологии.

Параллельно с идеями французских философов и социологов развивалась творческая мысль в рамках германской традиции, которая как раз пошла по тому пути, от которого предостерегал Дюркгейм, а именно по пути анализа общих понятий.

В духе германской духовной традиции (сформированной основоположниками немецкой классической философии) немецкие представители теоретической социологии явно отдавали предпочтение анализу понятий, пси-

хологии (а не логике) научно-познавательной деятельности. Концепции Зиммеля, Тенниса и Вебера составили мощный пласт новых теоретико-методологических построений в социологии, в которых также обнаруживается причудливое сочетание позитивных моментов с явно надуманными положениями. Это сочетание особенно зримо проявляется в их попытках определить ключевые понятия социологии и социальной философии, какими являются понятия общества, культуры, цивилизации, социальности, человека, личности, солидарности и т. д. Их идеи воплотились в концепциях формальной и понимающей социологии, идеальных типов и социального действия, которые, став классическими, тем не менее не избежали своей порции критики из-за имеющихся в их структурах предрассудочных элементов. В данном случае приходится сталкиваться с предрассудками иного порядка. У немецких классиков они воплощаются в том, что основные понятия социологии истолковываются столь многозначно и неопределенно, что утрачивают свой первоначальный смысл. Ясность мысли здесь подменяется весьма расплывчатыми рассуждениями о структуре общества. Этот факт столь очевиден, что на него указывают многие западные исследователи. Так, К. Брукмайер, оценивая основное произведение Тенниса «Общность (община) и общество», пишет: «Теннис непосредственно подготовил почву для аналитической социологии, социологии социального действия и понимающей социологии... Но Теннис оставил в наследство социологам также и загадку толкования своей дихотомии. "Общность" не является чисто аналитическим понятием социологии и в трактовке Тенниса носит многозначный и неопределенный характер»¹². Вот эта неопределенность становится общей чертой многих теоретических построений после Тенниса и в целом немецких социологов, в какой-то мере превратившись в то «покрывало», о котором упоминал Дюркгейм.

Так или иначе, социология к началу XX в. обрела довольно солидный багаж теоретических построений, который сам становится предметом методологического анализа. Особое значение в этом плане имеет творчество В. Парето, который в качестве социальных фактов (в рамках своего творчества) стал рассматривать именно социологические теории. Его творчество вполне можно определить как процесс рефлексии социологии, как процесс ее самокритики, которая помогает установить амбивалентный характер многих социально-теоретических построений, сочетание в них как позитивных, так и предрассудочных элементов.

С целью более глубокого анализа познавательных актов и их результатов Парето вводит в структуру своих методологических размышлений такие понятия, как «логическое» и «нелогическое» действие, «логико-экспериментальные» и «не логико-экспериментальные» науки (теории, учения и т. д.), «остаток», «деривация» и др. В сущности, он стремится провести более строгую демаркационную линию между наукой и другими формами интеллектуальной деятельности человека (мифами, теологическими и метафизическими системами). Научным он называет только то знание, которое опирается на факты и экспериментальные приемы исследования, все остальное выносится за скобки этого знания. Социология, с его точки зрения, также еще пока не является наукой, так как не имеет своей четко обозначенной логико-экспериментальной базы. «В химии, – пишет он, – исследование шло от некоторых гипотез к объяснению химических фактов, чтобы предвидеть еще неизвестные факты, которые затем верифицировались опытом. Такое движение характерно для всех научных теорий»¹³.

Однако в науке (особенно социальной) очень часто приходится сталкиваться с такой ситуацией, когда изучение фактов подменяется анализом различных понятий, а это уводит далеко от истинного положения дел. С точки зрения Парето, «при обращении к социальным темам люди обычно используют слова из обыденного языка, что отдаляет их от логико-

экспериментальной области»¹⁴. Если изучение фактов подменяется изучением языка, то ученый формирует не столько знание, сколько псевдознание (деривацию), которое вуалирует истинное положение дел. В этой связи Парето пишет: «Язык отражает внешние факты в лучшем случае как плохая фотография, а в худшем – как очень плохая или никудашная фотография. Кто рассуждает об именах, тот подобен тому, кто по таким фотографиям хотел бы получить точное знание об изображенных на них вещах»¹⁵.

Основной недостаток всей предшествующей социологии как раз и состоит, по Парето, в том, что она вместо изучения фактов занималась разбором их словесных заместителей. Упрекается старая социология и в недооценке таких приемов познания, как анализ и синтез. Так, он полагает, что «необходимость при изучении различных сторон конкретного явления стадии анализа, за которой следует стадия синтеза и возврат от теории к конкретному факту, вполне осознана в науках естественных, но во многом еще не понята в области социальных наук»¹⁶. Для превращения социологии в науку необходимо разработать новую методологию, которая перевела бы ее из области досужих бытовых рассуждений на рельсы логико-экспериментальных построений. Этот перевод Парето напрямую связывает со своей концепцией социологического познания. «Мы приходим к выводу, – пишет он, – что слова и выражения обыденного языка чаще всего не поддаются строгой классификации. Химия, физика, механика и другие близкие к ним науки строились не путем изучения выражений обыденного языка и их классификации, но благодаря изучению и классификации фактов. Мы постараемся сделать то же самое в социологии»¹⁷.

Нетрудно заметить, что в этих критических замечаниях, построенных на основных принципах позитивистской методологии, содержится рациональное зерно учения Парето. Более того, в нем намечаются уже те идеи, которые затем получают свое дальнейшее развитие в методологических разработках неопозитивизма, – идея верификации, подробно разработанная представителями Венского кружка, и идея фальсификации, получившая более широкое логическое обоснование в творчестве К. Поппера. Что же касается той части его учения, в которой он анализирует структуру общества и роль элиты в его развитии, то здесь в полном объеме проявляется его собственное социальное мифотворчество, ибо все сводится к некоему калейдоскопу чувств, остатков и дериваций. Вот, например, как он определяет этот процесс: «В целом общество существует благодаря тому, что у большинства людей, входящих в их состав, живы и сильны чувства, соответствующие остаткам социальности... Но в то же время есть и индивиды, у которых хотя бы часть этих чувств ослабевает и может даже исчезнуть. Отсюда следует два очень существенных и на первый взгляд противоположных эффекта: один угрожает распадом общества, тогда как другой обеспечивает подъем уровня его цивилизованности»¹⁸. К этому, как говорится, добавить нечего. Вся история развития общества и цивилизации сведена к чисто ментальным структурам, что вряд ли можно назвать серьезным научным аргументом.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что последующее развитие теоретической социологии пошло по тому пути, от которого предостерегал исследователей Парето, т. е. по пути анализа чисто языковых форм, описывающих структуру, функционирование и изменение общества. При этом существенно меняется набор самих понятий. Из лексикона современных теоретиков выпали даже такие слова, как «эволюция», «развитие», «прогресс», зато доминируют понятия повседневности, интеракции, обмена, микроконфликта, изменения, структуры и т. д., которые позволяют до бесконечности умножать социальное мифотворчество.

Особую роль в этом деле играют представители постструктурализма и постмодернизма, которые обрушились с критикой на рационалистические

традиции представителей просветительского модернизма, превратив социологию в разновидность литературного творчества. И если Дюркгейм и Парето старались очистить социологию от искажающих реальность теоретических вуалей, то современные модернисты осознанно их продуцируют. Складывается такое впечатление, что современные теоретики не столько рассеивают туман искусственных теоретических построений, сколько сознательно сгущают его, используя для этой цели вполне научные термины – такие как «система», «структура», «функция» и им подобные, но наполняют их новым содержанием и новой терминологией. Используются, например, такие термины, как «хабитус», «фрейм», «структурация», «аутопоейсис» и т. д., которые для простого читателя непонятны, а для специалистов небесспорны. Получается, что современная теоретическая социология не столько сближается с жизнью и раскрывает ее общий портрет, сколько как бы парит над нею, продуцируя все новые и новые авторские картины социальной реальности. Она замыкается в своем собственном языке, превращаясь в науку для науки, и утрачивает свою цель, которую ей определили классики социологии, а именно содействовать прогрессу общественной жизни, избавлять общество от накапливающихся в нем время от времени негативных явлений. В определенной мере сама социология превращается в разновидность деформированного сознания и в объект специфического исследования. Рассматривая некоторые вопросы развития современного социологического знания, Ж. Тошценко пишет: «Принципиально новое знание достигается не столько через исследование позитивных и нормальных состояний объекта исследования, сколько через то, что приводит к искажению реальности... Поэтому изучение деформированных и превращенных видов общественного сознания и социальной практики (парадоксальность, депривация, стигматизация, кентавризм, аномия, фрустрация и т. д.) может принести впечатляющие и далеко идущие результаты»¹⁹.

Получается, что чем дальше развивается социология, тем в большей степени она нуждается в своей логической реконструкции, в своем совершенствовании как с точки зрения понимания природы общества, так и с точки зрения модернизации приемов и методов исследования, особенно в рамках теоретического анализа.

¹ Платон. Софист // Платон. Соч.: в 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 339.

² Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 29–30.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 153.

⁵ Там же. С. 156.

⁶ Осипов Г. В. Социология и социальное мифотворчество. М., 2002. С. 399.

⁷ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 153.

⁸ Там же. С. 94.

⁹ Там же. С. 40–41.

¹⁰ Там же. С. 47.

¹¹ Там же. С. 55.

¹² История социологии (XIX – первая половина XX века) / Под ред. проф. В.И. Добренкова. М., 2004. С. 307.

¹³ Парето В. Компендиум по общей социологии. М., 2007. С. 87.

¹⁴ Там же. С. 64.

¹⁵ Там же. С. 477.

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ Там же. С. 72.

¹⁸ Там же. С. 344.

¹⁹ Тошценко Ж. Т. Теоретические и прикладные проблемы исследования новых явлений в общественном сознании и социальной практике // Социс. 2010. № 7. С. 4.

Поступила в редакцию 14.07.11.